

УДК 327(497:470)"1875/1878"
355.097.2(=161.1)(497)"1876/1877"
355.48(470:560)"1877/1878"
DOI <https://doi.org/10.31212/zradova.17.rusijaisrbija.ans.131-153>

Юрий Петрович АНШАКОВ, д.и.н., проф.
Отдел истории и археологии
Самарского федерального исследовательского центра РАН.
pfiri@ssc.smr.ru

Проф. др Јуриј Петровић АНШАКОВ
Одељење за историју и археологију
Федерални истраживачки центар Руске академије наука у Самари

**Вклад волжан в освободительную борьбу южных славян в период Восточного кризиса 1875-1878 гг.
Допринос руских људи са обала Волге ослободилачкој борби јужних Словена током Источне кризе 1875-1878. г.**

Восточный вопрос, в основе которого лежали проблемы Черноморских проливов и освобождение христианских народов Балкан из-под власти Османской империи, на протяжении всего XIX века играл важную роль во внешней политике России. Он самым существенным образом затрагивал ее геополитические интересы в балканском регионе, где так же скрещивались стратегические интересы ведущих европейских держав и султанской Турции.

Началом очередного Восточного кризиса 70-х годов явились восстания в Герцеговине и Боснии в 1875-1876 гг. и в Болгарии в апреле 1876 г. На всем протяжении этих событий народы России принимали живое участие в широком движении сочувствия славянам. Этим ярким страницам истории посвящено немало научных исследований. Однако вклад отдельных регионов России в „славянское движение“ изучен еще недостаточно. Поэтому для составления всеобъемлющей картины российского участия в событиях на Балканах важно осветить роль губерний и, в частности, поволжских, население которых сыграло весомую роль в оказании помощи и поддержки славянским народам Балканского полуострова.

В конце августа 1875 г. по ходатайству петербургского отдела Славянского благотворительного комитета Александр II офици-

ально разрешил сбор пожертвований по всей империи в пользу Герцеговины и Боснии. Был разрешен также тарелочный сбор во всех церквях. Здесь важно отметить, что эти пожертвования собирались отнюдь не для повстанцев, а в соответствии с распоряжением Александра II от 23 августа 1875 года лишь для жителей, пострадавших в ходе восстания в Боснии и Герцеговине, но „никак не в пользу инсургентов.“¹

„...Взоры православных славян с мольбой и упованием устремлены на Россию, они ... верят упорно в духовную силу своей единоплеменности и единоверия с могучею, великою державою стоящей во главе славянского мира“, – писал Московский славянский благотворительный комитет в своем послании к населению Самарской губернии, призывая его к пожертвованиям.² Аналогичные письма были разосланы и по другим поволжским губерниям.

Не могла остаться равнодушной поволжская общественность и к напечатанному на страницах местных газет эмоциональному посланию сербского митрополита Михаила. В этом послании митрополит Михаил обращается к русскому народу от лица славянского населения Боснии, Герцеговины и Старой Сербии (Косово и Метохия). То, как он описывал бедствия народа, вызывало искреннее сочувствие к восставшим и негодование по отношению к туркам: „убийства, долголетняя ссылка и каторга в мрачных подземных тюрьмах, ...обесчещивание женщин, матерей и сестер бедных райи, убиение невинных грудных детей или обваривание их кипятком в насмешку над святым крещением – вот какие неслыханные варварства совершаются на глазах просвещенной Европы“. И это еще далеко не полный перечень злодеяний, который приведен в послании сербского митрополита.

Свое послание митрополит Михаил заканчивает призывом, на который русский народ не мог не откликнуться: „Родные нам братья и сестры! ...услышьте призывающий вас голос, полный мольбы..., во имя единой святой православной церкви, наконец, во имя гуманности, братья русские, вы не откажетесь подать посильную помощь

1 „Циркуляр министра внутренних дел А.Е. Тимашева самарскому губернатору П.А. Бильбасову о порядке сбора пожертвований в пользу балканских славян, 4 (16) сентября 1875 г.“, *Народы Поволжья и борьба южных славян за национальное освобождение. 1875-1877 гг.: Сборник документов и материалов*, сост. Ю. П. Аншаков, В. М. Хевролина, Н. И. Хитрова, А. Н. Сквозников, Самара 2009, Док. 3, 18.

2 Самарские губернские ведомости, 29. 10. 1875.

бедным, брошенным на произвол судьбы вашим братьям-славянам!³ Не менее впечатляющим было обращение черногорского митрополита Иллариона, в котором он через Московский славянский благотворительный комитет призывал организовать в России сбор денежных и вещевых пожертвований для 25 тысяч герцеговинских беженцев, вынужденных искать прибежище в Черногории. „Жизнь нескольких тысяч страдальцев зависит от помощи, и притом скорой помощи вашей!“⁴ Этим призывом заканчивал послание высший церковный иерарх Черногории.

По всей России, в том числе и в Поволжье, начинаются денежные и вещевые сборы в пользу славян, и они начнут расти, когда в войну против Турции вступит Сербия и Черногория. Купцы подписывались на сотни рублей, чиновник опускал в кружку 10 рублей, рабочий – 1 рубль, а крестьянин – гривенник. Поволжское дворянство также откликнулось на призыв помощи славянам. Однако, как отмечал начальник Симбирского губернского жандармского управления П.М. фон Брадке, „Купечество в этом случае более таровато, чем дворянство.“⁵ Были и такие случаи, когда люди отказывались от пожертвований или же они были символическими. Так, „Саратовский справочный листок“ сообщал: „Один из здешних богачей, в ответ на просьбу пожертвовать в пользу южных славян дал от себя одну копейку.“⁶

Иногда пожертвования принимали весьма оригинальную форму. Так, путешествующий летом 1876 г. по Волге старший брат знаменитого театрального режиссера поэт, писатель и журналист Василий Иванович Немирович-Данченко стал свидетелем двухдневной карточной игры на пароходе – выигрыш на нужды славян. В одном из кабаков Нижнего Новгорода, услышав разговор о зверствах турок в Болгарии, уже сильно подвыпивший купец передумал транжирить деньги далее и пожертвовал 100 рублей в пользу славян.⁷ Случалось, что сбору пожертвований мешал чрезмерный апломб местной администрации. Например, на Нижегородской ярмарке гастролирующим артистам было запрещено собирать пожертвования, поскольку это

3 *Народы Поволжья и борьба южных славян за национальное освобождение. 1875-1877 гг.: Сборник документов и материалов*, Док. 4, 18-19.

4 Ibid, Док. 5, 20

5 Ibid, Док. 40, 51.

6 Саратовский справочный листок, 27. 8. 1876.

7 Немирович-Данченко В. И., *По Волге (очерки и впечатления летней поездки)*, Москва 2008, 199.

считалось привилегией губернских властей.⁸ Бывало и так, что уже собранные денежные пожертвования невозможно было куда-либо пристроить. В.И. Немирович-Данченко приводит пример такого случая, произошедшего с крестьянами: „Ходим мы, ходим во тьме, собрали семнадцать рублей, куда отдать их – не знаем. Ладилась было попу – не берет: с вами еще влетишь, говорит; становой был – ему хотели: не указано, рычит, вон пошли; так мы с ними и маемся...“⁹

В поволжских губерниях создавались специальные местные комитеты по сбору пожертвований. Чаще всего сборы „на братьев-славян“ носили коллективный характер. Поступали они от деревень и сел, крестьянских обществ, земских учреждений, рабочих и служащих заводов, железнодорожников, учителей школ, преподавателей высших учебных заведений.¹⁰ Каждая из поволжских губерний собирала от 30 до 50 тысяч рублей только денежных пожертвований за период осень 1875-осень 1876 года.¹¹

Русская Православная Церковь также приняла самое активное участие в организации сбора пожертвований в пользу славян. Так, священник самарского села Тимашево А. Цветков организовал среди прихожан сбор пожертвований „в пользу страдальцев“ – славян Балканского полуострова. Прихожане, услышав про страшные истязания, совершаемые турками над единоверными и единокровными братьями-славянами, тотчас же решили сделать добровольный сбор по всему приходу. Жертвовал всякий, кто чем мог, кто холстом, кто хлебом, а кто какими-либо вещами.¹² Прихожане Саратовской губернии к июлю 1876 года пожертвовали в Саратовскую консисторию более пяти тысяч рублей,¹³ и так происходило повсеместно по всему Поволжью. Следует сказать, что религиозный фактор, единство религий играли огромную роль среди значительного числа городских обывателей и особенно крестьянского люда. В.И. Немирович-Данченко описывает, как на одной из волжских пристаней проходил сбор пожертвований в пользу славян, организованный местными сотрудниками Общества Красного Креста: „Братцы, за убиенных братьев во

8 Ibid, 198.

9 Ibid, 199.

10 *Народы Поволжья и борьба южных славян за национальное освобождение. 1875-1877 гг.: Сборник документов и материалов*, Док. 14, 26-27; Док. 15, 27; Док. 54, 62 и др.

11 См. напр.: Ibid, Док. 147, 136.

12 Ibid, Док. 47, 57.

13 Саратовские губернские ведомости, 16. 11. 1876.

Христе!.. Православные, на помощь ...толпа отхлынула на пароход и выждала, пока с тарелочкой не обошли каждого из них. Ни одна рука не оказалась оскудевшей, медные пятаки, копейки валились туда, все это потом добытое на страдной летней работе!"¹⁴

Развернувшееся по всей России движение помощи носило демократический характер, это было сочувствие бедняка, который сам познал невзгоды и лишения. Во многом из крестьянских и рабочих трудовых копеек складывались те большие суммы, которые пересылались славянскими комитетами на Балканы. Особая роль крестьянства, его вклада „на жертву страждущих братий“ отмечена и в докладе шефа жандармов Н.В. Мезенцева Александру II.¹⁵

Во время Апрельского восстания 1876 г. в Болгарии в Самаре приступили к изготовлению легендарного Самарского боевого знамени, как символа русско-болгарского братства и единства, предназначенного для болгарских повстанцев. Сообщение о восстании пришло в Самару 30 апреля, когда оно было еще на подъеме. Непосредственное руководство по исполнению данной инициативы взял на себя видный самарский общественный деятель Петр Владимирович Алабин, являвшийся к тому же членом Петербургского отдела Московского славянского комитета. Однако, как полагают некоторые историки, подавление восстания в конце мая 1876 года не позволило передать знамя.¹⁶ Это предположение ошибочно. Нам известен только год изготовления знамени – 1876 г.,¹⁷ но не месяц. В силу трудоемкости процесса изготовления знамени это не мог быть май. Но даже не это главное. Здесь важно отметить, что знамя и не могло быть передано повстанцам, даже если восстание продолжалось и более длительный период. Поскольку это бы означало прямую поддержку повстанцев со стороны России, а это, как отмечалось выше, было

---

14 Немирович-Данченко В. И., *По Волге (очерки и впечатления летней поездки)*, 188.

15 *Народы Поволжья и борьба южных славян за национальное освобождение. 1875-1877 гг.: Сборник документов и материалов*, Док. 152, 142.

16 Яковлев Н. Н., *Дружба навечно*, Куйбышев 1969, 34; Ценов Й., „Знамя и губернатор. Самарское знамя и Петр Владимирович Алабин“, *Петр Алабин и Самарское знамя*, Самара 2008, 9.

17 „Журнал заседания Самарской городской думы о вручении болгарским дружинам знамени от Самары 17 апреля 1877 г.“, *Народы Поволжья и борьба южных славян за национальное освобождение. 1875-1877 гг.: Сборник документов и материалов*, Док. 170, 163; Московский О. В., *Летопись жизни Петра Алабина (1866-1896)*, Самара 1999, 46.

исключено распоряжением императора Александра II от 23 августа 1875 года, которое автоматически распространялось и на Болгарию.

Если бы это случилось и стало достоянием гласности, то разразился бы грандиозный дипломатический скандал из-за вмешательства России во внутренние дела Османской империи, а в тот период Россия пока еще не помышляла о войне с Турцией. Вероятность войны с Турцией начнет в российском руководстве рассматриваться лишь с октября 1876 года, хотя в прессе, как, впрочем, и в народе, возможность войны с Турцией начнет обсуждаться уже в июне. Кроме того, даже если гипотетически предположить, что самарцы в обход вышесказанного решили бы доставить знамя болгарам, то трудно представить, как бы это им удалось сделать, так как Болгария была наводнена турецкими войсками и знамя бы неизбежно попала в руки турок, и у него не было бы столь славной истории. К тому же после жестокого подавления Апрельского восстания сами болгары вновь восставать не торопились.

Надо сказать, что в то время в народной среде сложилось довольно устойчивое представление о славянском единстве, тесном этническом родстве. В.И. Немировичу-Данченко в волжском селе Золотом местные жители говорили: „Нас бьют, нас обижают... Это не серб, а русский. Какой такой болгарин? После того и владимирец не русский? А за свое мирское дело мы целым миром и станем.“¹⁸

Боснийско-Герцеговинское восстание 1875-1876 гг. вызвало искреннее сочувствие в Сербии. Подписав военно-политический союз с Черногорией в июне 1876 г., сербский князь Милан Обренович объявил о начале войны с Турцией. Начиная войну, Сербия рассчитывала на помощь России. Однако в российском правительстве поначалу существовало опасение повторение результатов Крымской войны, что психологически давило на руководство российской дипломатии. В июле 1876 г. канцлер А.М. Горчаков в весьма резкой форме высказал мнение правительства по поводу балканских событий сербскому агенту Протичу: „Вы против наших советов начали войну, сами и выпутывайтесь: Россия дала слово своим соседям соблюдать нейтралитет и сдержит его, не окажет вам ни прямой, ни косвенной помощи, не даст вам ни гроша! Все, что мы можем сделать, это не препятствовать частным лицам давать вам деньги, если они этого

18 Немирович-Данченко В. И., *По Волге (очерки и впечатления летней поездки)*, 192.

захотят.¹⁹ Разрешить сербский кризис дипломатическим путем не удалось, поскольку мирные предложения русской правительства не встречали поддержки со стороны западных государств. В Поволжье вступление Сербии в войну было встречено с большим воодушевлением, в том числе и церковью. Так, например, в решении Самарской духовной консистории, призванном поддержать воззвание Московского славянского благотворительного комитета о помощи воюющим с Турцией сербам и черногорцам, внимание акцентировалось на том, что „сербская и черногорская рать ринулись в бой – начинается страшная, кровавая, последняя борьба славянства с исламом. Для славян эта борьба на жизнь и смерть; они решились добиться независимости или погибнуть“. Самарская духовная консистория призвала священнослужителей организовать специальный сбор пожертвований в пользу сербов и черногорцев,²⁰ что и было исполнено.²¹

На помощь Сербии отправились отряды русских добровольцев, в том числе и из Поволжья, где они вливались в ряды Тимокско-Моравской армии, главнокомандующим которой был отставной русский генерал М.Г. Черняев. Как свидетельствовала самарская пресса того времени, они „идут ...в убеждении, что смерть на земле, облитой христианской кровью, будет угодна Богу, идут потому, что видения во сне указывают им путь в Сербию... Эти матери, жертвующие детей, эти просители смерти за веру, не знамение ли, говорящее, какой вопрос для России разрешается на Балканах. Какая грозная и сознающая себя сила рвется туда разрубить мечом цепи рабства.“²² Таким эмоциональным образом пресса, и не только самарская, отражала суть происходивших событий.

Общая численность самарских добровольцев составляла 88 человек, но здесь не учтены лица, которые отправились в Сербию за свой счет. Больше всего добровольцев в Сербию было из Самарской и Нижегородской губерний. Из последней уехало в Сербию 79 волонтеров.²³ Казань же помимо волонтеров поставляла медиков, в том числе и санитарные отряды. Попутно заметим, что казанский

19 Золотарев В. А., *Противоборство империй. Война 1877-1878 гг. – апофеоз Восточного кризиса*, Москва 2005, 14.

20 *Народы Поволжья и борьба южных славян за национальное освобождение. 1875-1877 гг.: Сборник документов и материалов*, Док. 58, 66-67.

21 Ibid, Док. 79, 81; Док. 82, 83-84.

22 Ibid, Док. 95, 94.

23 Григорьев И. М., „Участие добровольцев Среднего Поволжья в национально-освободительном движении южных славян (1876 год)“, *Революционное движение*

губернатор Н.Я. Скарятин отнюдь не относился к почитателям „славянского дела“. В самом начале сентября 1876 г. он запретил проводить в дальнейшем подписку в пользу славян (которая, кстати, шла под патронажем его супруги П.И. Скарятиной), допускал оскорбительные высказывания в адрес людей, „преданных славянскому делу“, и т.п. Оценивая эти и аналогичные его поступки, казанский общественный деятель Н. Агафонов в письме к идеологу и лидеру славянофилов И.С. Аксакову замечал, что подобное поведение Н.Я. Скарятин вполне объяснимо, поскольку он „ярый защитник политики Дизраели, видящий в славянском движении один бунт.“²⁴ Собственно говоря, такое можно было сказать не об одном Скарятине. Поскольку разраставшееся народное движение в защиту славян застало врасплох административное руководство Российской империи, то одни губернаторы сами становились во главе его, другие же запрещали сборы в пользу славян, а на энтузиазм в крестьянской среде смотрели чуть ли не как на бунт.²⁵

Всего по неполным данным из Поволжья в Сербию уехало более 400 волонтеров, хотя желающих было гораздо больше; туда же было отправлено несколько санитарных отрядов. Если учесть, что общее число добровольцев по всей России составило по приблизительным данным цифру в 4300 человек,²⁶ то следует заметить, что поволжские добровольцы составили довольно солидную их часть.

Добровольческое движение на Балканы в 1876 г. не санкционировалось правительством и не организовывалось славянофилами. По признанию И.С. Аксакова, добровольческое движение „не только не могло быть сочинено комитетом (Московский славянский благотворительный комитет. – Ю.А.), не только не способно было втис-

---

ние в Среднем Поволжье и Приуралье. Научные труды, Т. 183, Вып. 1, Куйбышев 1977, 25.

24 Народы Поволжья и национально-освободительная борьба южных славян в 1875-1878 гг., сост. Ю. П. Аншаков, В. М. Хевролина, Н. И. Хитрова, *Самарское Поволжье с древности до конца XIX в. Сборник документов и материалов*, Самара 2000, Док. 50, 401-402.

25 Немирович-Данченко В. И., *По Волге (очерки и впечатления летней поездки)*, 198.

26 Исследователь С.А. Кочуков, ссылаясь на данные Российского государственного военно-исторического архива, определяет численность русских добровольцев-волонтеров цифрой в 1431 человека, указывая при этом, что это вероятно были непосредственные участники боевых действий (Кочуков С. А., „*За братьев-славян*“: русско-турецкая война 1877-1878 гг. в восприятии общества, власти и армии Российской империи, Саратов 2012, 216).

нуться в какие-либо комитетские рамки, но перешло далеко за его края и почти подавило собой нашу скромную организацию.²⁷ Это движение носило полностью народный, массовый характер.

Поволжские добровольцы – это люди самого разного общественного положения: бывшие офицеры, которым Александр II дал все же право выходить во временную отставку и вступать волонтерами в сербскую армию, унтер-офицеры, солдаты, крестьяне, мещане, дворяне, рабочие, студенты, служащие, представители интеллигенции. Выходцы из самых разных слоев общества, они каждый по-своему воспринимали цели и задачи национально-освободительной борьбы балканских народов, по-разному складывались их судьбы. Для нижегородского помещика Василия Васильевича Ящерова поездка в Сербию волонтером обернулась не только участием в боях с турками, но и довольно спокойной жизнью с прогулками по Белграду.²⁸ Для казанского волонтера К.Н. Богданова, а также саратовских добровольцев Е.Д. Коровина, А.М. Чекмазова, В.Ф. Фермора и Е.Н. Левашова поездка в Сербию закончилась их героической гибелью.²⁹ Последний был посмертно награжден сербским орденом „Такова“, о чем в личном письме к матери Левашова сообщил министр иностранных дел Сербии Йован Ристич.³⁰ Нередко русские добровольцы, приехавшие в Сербию, были предоставлены сами себе и зачастую находились без средств, „...без толку шлялись по „кафанам“, проедая все свои деньги в ожидании. Но никому не было до них дела. А как идти без провожатых, без пищи, без подвод, без оружия, и куда? До сих пор вижу господина в цилиндре, в подбитом воз-

27 Аксаков И. С., *Сочинения*, Т. I, Москва 1886, 218.

28 Ящеров В. В., „В Сербии 1876-1877 гг. Записки добровольца“, *Народы Поволжья и борьба южных славян за национальное освобождение. 1875-1877 гг.: Сборник документов и материалов*, 276-297.

29 *Народы Поволжья и борьба южных славян за национальное освобождение. 1875-1877 гг.: Сборник документов и материалов*, Док. 122, 117-118; Док. 136, 127-128. В связи с гибелью русских добровольцев в Сербии жители г. Пензы выступили с почином перед Московским славянским благотворительным комитетом об организации денежных пожертвований в пользу семей погибших добровольцев. После смерти В.Ф. Фермора среди саратовского населения была развернута кампания по сбору пожертвований в пользу его малолетних детей, оставшихся сиротами (*Народы Поволжья и борьба южных славян за национальное освобождение. 1875-1877 гг.: Сборник документов и материалов*, Док. 59, 67-68; Саратовский справочный листок, 27. 7. 1876).

30 *Народы Поволжья и борьба южных славян за национальное освобождение. 1875-1877 гг.: Сборник документов и материалов*, Док. 151, 140-141.

духом пальто, дрожащего от холода и просящего поделиться куском хлеба: у него не было ни гроша, а до генерала Дандевиль далеко“,³¹ – отмечал в своих воспоминаниях нижегородский доброволец В.В. Ящеров. К тому же, как отмечал А.Л. Шемякин, неорганизованность русских добровольцев в Сербии была обусловлена и тем, что штаб генерала Черняева не осуществлял планомерного руководства армией – все делалось экспромтом, а сам М.Г. Черняев отдавал директивы без всякой системы, хаотично. Также весомым недостатком в деятельности главнокомандующего Тимокско-Моравской армии было то, что он сосредоточился во многом на политике, а не на военном руководстве боевыми операциями.³² Погибший в бою в Сербии Н.Н. Раевский также негативно оценивал организаторские и военные качества М.Г. Черняева, замечая, что „война ведется без плана и без всякого порядка; мы не имеем разъездов и не знаем, где неприятель и сколько его, пока не сойдемся с ним. Сербские офицеры негодуют на такой образ действия и говорят, что, если его еще терпят, то только из опасения оскорбить национальное чувство русских...“³³

Большой вклад не только в лечение раненых сербов, но и в становление сербской медицины внесли казанские врачи во главе с приват-доцентом Казанского университета Николаем Ивановичем Студенским.³⁴ Вместе с тем следует сказать, что среди части татар-

31 Ящеров В. В., „В Сербии 1876-1877 гг. Записки добровольца“, *Народы Поволжья и борьба южных славян за национальное освобождение. 1875-1877 гг.: Сборник документов и материалов*, 249. Такая ситуация во многом сложилась еще и из-за того, что представители Московского и Петербургского славянских комитетов генерал В.Д. Дандевиль и В.Н. Теплов прибыли в Сербию лишь в середине сентября 1876 г. До их приезда добровольцы были на попечении Сербского военного министерства. Затем оформление добровольцев стало носить более официальный характер: необходимо было представить В.Д. Дандевилю и получить у него 25 рублей дукатами (Подробнее см.: Кузьмичева Л. В., „Русские добровольцы в сербо-турецкой войне 1876 г.“, *Россия и восточный кризис 70-х гг.*, Москва 1981, 84).

32 Шемякин А. Л., *Смерть графа Вронского*, Санкт-Петербург 2007, 72-73.

33 Ibid, 140. Раевский Николай Николаевич, доброволец, отставной полковник русской армии, внук знаменитого героя Отечественной войны 1812 г. Н.Н. Раевского. Погиб в сражении под селом Горним Адровацем 20 августа 1876 г. По версии А.Л. Шемякина именно Н.Н. Раевский послужил Л.Н. Толстому прототипом образа Алексея Вронского в романе „Анна Каренина“.

34 См. об этом: Студенский Н. И., „Организация казанского санитарного отряда, бывшего в Сербии, и его деятельность в г. Крагоевце“, *Народы Поволжья и борьба южных славян за национальное освобождение. 1875-1877 гг.: Сборник документов и материалов*, 297-307.

ского населения Казанской губернии, преимущественно богатого, наблюдалось сочувственное отношение к туркам. То же самое присутствовало и среди части мусульманского духовенства, финансировавшегося зажиточными татарами. По неподтвержденным, основанным на слухах, данным, некоторые татары-новобранцы, проходившие службу не в Казанской губернии, в письмах к родителям просили их одобрения на побег к туркам. В связи с этим над состоятельными татарами и некоторыми фанатичными муллами, „фантазирующими в Восточном вопросе“, было учреждено наблюдение – отмечалось в донесении в МВД казанского губернатора Н.Я. Скарятин.³⁵ Русское же крестьянство, жившее по соседству с татарами, положительно отзывалось об основной массе татарского населения, говоря о нем: „Эти смиренные, они ничего... Они не повинны в злодействах.“³⁶

Среди добровольцев-волжан, людей молодых и среднего возраста, выделяется примечательная и колоритная фигура жителя Симбирской губернии Василия Николаевича Кочеткова. Он родился в 1785 г. и провел на действительной военной службе более 60 лет. Летом 1876 г., когда ему шел 92-й год, он ушел добровольцем в Сербию, а затем участвовал в русско-турецкой войне 1877-1878 гг. В боях за Шипку он потерял ногу.³⁷

Следует отметить и такой факт, что под влиянием отцовского примера в Сербию устремлялись дети школьного возраста. Так, три малолетних воспитанника Нижегородского дворянского института: Зыбин, Лютов – 12 лет и Николаев – 14 лет, под влиянием Зыбина, чей отец воевал в Сербии, решили „пробраться“ в Сербию, чтобы помогать славянам, даже не зная, что война уже закончилась. Добраться им удалось до Вязников, где они были задержаны начальником станции Николаевым, отцом одного из беглецов, который вы-

---

35 *Народы Поволжья и борьба южных славян за национальное освобождение. 1875-1877 гг.: Сборник документов и материалов*, Док. 38, 48-49. По аналогичному поводу, связанному с появлением турецких мулл-агитаторов среди башкир, В.И. Немирович-Данченко приводит следующий разговор, состоявшийся у него на Каме: „Ничего, пушай, – отозвались крестьяне. – Башкиры народ смиренный, робкий народ. Ну а ежели эти самые муллы нам попадутся – справимся. К становому не сведем. Как они у себя с нашими, так и мы здесь с ихними!“ (Немирович-Данченко В. И., *По Волге (очерки и впечатления летней поездки)*, 195-196).

36 Ibid, 195.

37 Всемирная иллюстрация, №1, 1893, 17.

сек своего сына, а затем всех трех воспитанников отправил обратно по месту учебы.³⁸

По мере развития событий на Балканах уже тогда в народной среде ширились слухи о скорой войне с Турцией. В одном из саратовских сел В.И. Немирович-Данченко стал свидетелем следующего разговора: „Сказывают, скоро на турку войной пойдем. Освобождать... Только царский указ – все в ополчение... Полно им лютовать, полно им души неповинные губить! Доколе терпеть это? Знамо – скоро войне быть! И везде одно и то же, по всей Волге... Недавний раб стремится уже сокрушить чужие цепи. Освобожденные уже хотят освободить.“³⁹ Далее В.И. Немирович-Данченко замечал: „Не думая, не гадая, не пускаясь в теологические тонкости, не зная этнографических данных, народ чувствует, что там своих душат и режут... Русский народ не выделяет славян из своей среды; сообщение о новом злодеянии над ними он встречает, как нечто личное, как обиду, нанесенную ему, а не чужому племени – и мстить он станет за себя.“⁴⁰

Отношение населения к событиям на Балканах являлось предметом пристального изучения губернских жандармских управлений Поволжья. Начальник Саратовского губернского жандармского управления полковник Гусев сделал по этому поводу следующие выводы: „Движение в пользу славян Балканского полуострова нашло в среде всех классов населения Саратовской губернии сочувственный отклик. Интеллигентное сословие видит в помощи славянам задачу, возложенную на Россию историей; низший класс населения сочувствует славянам как страждущим единоверцам, подавленным врагами христианства“. В Саратове „как центре умственного движения“ первое направление преобладало над вторым.⁴¹

Успешно начав войну с Турцией, плохо вооруженные и плохо обученные сербские войска стали терпеть поражения. Русская общественность все настоятельней требовала от правительства выступить в защиту славян и объявить войну Турции. В Адресе Самарского губернского дворянского собрания Александру II в связи с его намерением объявить мобилизацию армии внимание заострялось на том,

38 *Народы Поволжья и борьба южных славян за национальное освобождение. 1875-1877 гг.: Сборник документов и материалов*, Док. 176, 167.

39 Немирович-Данченко В. И., *По Волге (очерки и впечатления летней поездки)*, 191.

40 *Ibid*, 196-197.

41 *Народы Поволжья и борьба южных славян за национальное освобождение. 1875-1877 гг.: Сборник документов и материалов*, Док. 147, 136.

что главнейшей причиной бедствий и страданий балканских славян является „их братство с нами по вере и крови. Так как мы убеждены: постигни такая же страшная судьба не славян, не православных, а народ другой какой национальности – во имя облегчения его судьбы был бы уже обнажен не один меч в Европе.“⁴²

В аналогичном Адресе Симбирского дворянского собрания Александру II отмечалось: „Не для честолюбивых замыслов, не для расширения пределов вашей необъятной империи готовы вы обнажить свой меч. Этот меч принесет угнетенному Востоку свободу совести и безопасность домашнего очага... и имя Царя-Освободителя, давно усвоенное вам народною любовью, с тем же чувством будет повторяться нашими балканскими братьями.“⁴³ Справедливости ради следует сказать, что в Поволжье звучали и иные голоса, выступавшие против возможной войны России с Турцией. К числу противников войны относился и помощник начальника Нижегородского губернского жандармского управления П.С. Перфильев. Он полагал, что как бы Россия сочувственно не относилась к угнетенным балканским христианам, все же у нее достаточно своих внутренних проблем, как социальных, так и финансовых, и именно ими нужно заняться в первую очередь, а не ввязываться в войну.⁴⁴ Забегая вперед, заметим, что подобные суждения имели под собой определенную реальную почву, поскольку война с Турцией потребует колоссальных финансовых затрат, приведет к большим людским потерям, что не лучшим образом скажется и на внутреннем положении России.

После провала попыток урегулирования дипломатическими средствами конфликта на Балканах Александр II, понимая, что дальнейшее промедление может привести к ослаблению позиций России на Балканах и падению ее престижа среди балканских славян, 12 (24) апреля 1877 г. находясь в Кишиневе, издал Манифест о начале войны с Турцией. Подавляющее большинство населения Поволжья приветствовало войну, видя в ней единственное средство освобождения славян. Это относится как к православным, в том числе и старообрядцам, так и представителям иных конфессий, чему имеются неоднократные свидетельства.

Так, в Адресе татарского населения Нижегородской губернии Александру II выражалась готовность „лечь костями за достижение

---

42 Ibid, Док. 148, 137.

43 Ibid, Док. 157, 150.

44 Ibid, Док. 23, 35-36.

такой же счастливой жизни, какую пользуемся мы под высокою державою вашего величества."⁴⁵ Казахи Букеевской (Внутренней) орды „...показали себя достойными называться верноподданными русского белого царя, пожертвовав на нужды настоящей войны 7 тыс. руб., до 500 лошадей, 500 полушубков и несколько кибиток“, – отмечалось в политическом обзоре помощника начальника Саратовского губернского жандармского управления майора Латухина.⁴⁶

В Адресе калмыков Астраханской губернии к Александру II высказывалось „горячее желание быть участниками на поле брани в рядах армии вашего величества за освобождение угнетенных христиан.“⁴⁷ Надо сказать, что турецкое руководство, прекрасно зная о многонациональном составе населения Поволжья и о том, что здесь проживает множество мусульман, пыталось распространить в Поволжье свою агентурную сеть с целью организации выступления мусульман, и в первую очередь татар. Однако эти надежды оказались беспочвенными. Например, в деревне Камышла Бугурусланского уезда Самарской губернии был арестован полицейским сотником-татаринном турецкий шпион Амаскар Хасан-оглы, который обратился к сотнику со следующими словами: „Я послан из Турции, где мне сказали, чтобы я узнал от татар, живущих в России, согласны ли они помогать в войне, и что скажут татары – передать им. Аллах тебя накажет, что нет от тебя помощи мусульманам“. Однако его заклинания оказались безрезультатными, и турецкий шпион был отправлен сотником в губернское жандармское управление.⁴⁸ В эту войну, в отличие от сербо-турецкой войны 1876 г., в Поволжье не было отмечено каких-либо явных протурецких настроений, а случаи дезертирства и перехода татар на сторону турок были, но крайне редко. И это несмотря на то, что, например, 6-й пехотный Либавский полк на 30% состоял из татар, которые в дальнейшем отлично зарекомендовали себя в боях, имели награды за отвагу, проявленную в сражениях.⁴⁹

В Поволжье широко развернулось движение помощи армии. Начальник Симбирского губернского жандармского управления полковник П.М. фон Брадке информировал Петербург, что „городская

45 Ibid, Док. 204, 192.

46 Ibid, Док. 242, 217-218.

47 Ibid, Док. 217, 201.

48 Ibid, Док. 200, 188.

49 См. об этом: Лопатин И., „Три года из жизни 6-го пехотного Либавского полка“, *Народы Поволжья и борьба южных славян за национальное освобождение. 1875-1877 гг.: Сборник документов и материалов*, 572-618.

управа ввиду войны пожертвовала 5 тыс. руб. в пользу больных и раненых воинов.⁵⁰ Пожертвования шли в больших количествах. Все Поволжье готово было откликнуться на нужды армии, воюющей за освобождение братского болгарского народа.⁵¹ На санитарные нужды армии по Поволжью было собрано более миллиона рублей. Только Саратовская губерния собрала 325 тысяч рублей.⁵² 100 тысяч рублей для раненых и больных воинов и на санитарные нужды армии пожертвовала Казанская городская дума, что стоит, вероятно, сравнить со 131 рублем, собранным казанскими купцами в пользу раненых во время Крымской войны.⁵³ Во многих поволжских городах и даже селах по инициативе властей, местных отделений Общества попечения о больных и раненых воинах, Обществ Красного Креста и местных землевладельцев открывались госпитали и лазареты.⁵⁴

Ярким событием, олицетворяющим дружбу русского и болгарского народов в годы русско-турецкой войны 1877-1878 гг., стало вручение Болгарскому ополчению Самарского знамени. От Самары делегация (П.В. Алабин и самарский городской голова Е.Т. Кожевников) со знаменем по Волге доплыла до Сызрани, оттуда поездом до Москвы. В Москву делегация прибыла 23 апреля 1877 года. Помещение в Чудовом монастыре поверх мощей святого Алексия – покровителя Самары – оно стало предметом внимания народа, императора Александра II и его семьи. Из Москвы, проделав долгий путь, знамя прибыло 4 (16) мая 1877 года в румынский город Плоешти, куда перебралась часть болгарских ополченцев. Торжественное вручение знамени произошло 6 (18) мая в лагере Болгарского ополчения в полутора верстах от Плоешти.

Вручая знамя, гласный Самарской городской думы П.В. Алабин сказал: „Издалека, через всю русскую землю оно нами принесе-

---

50 *Народы Поволжья и борьба южных славян за национальное освобождение. 1875-1877 гг.: Сборник документов и материалов*, Док. 182, 172.

51 *Ibid*, Док. 189, 178-179; Док. 190, 179; Док. 205, 192 и др.

52 *Россия и национально-освободительная борьба на Балканах. 1875-1878*, Москва 1978, 386.

53 Соколов А. Р., *Благотворительность в России как механизм взаимодействия общества и государства (начало XVIII – конец XIX вв.)*, Санкт-Петербург 2007, 568.

54 *Народы Поволжья и борьба южных славян за национальное освобождение. 1875-1877 гг.: Сборник документов и материалов*, Док. 206, 193; Док. 207, 193; Док. 213, 198-199; Док. 230, 209-210 и др.

но к вам, как бы живое свидетельство того, что оно дается не одним каким уголком России, а всею русскою землею...⁵⁵

В день вручения знамя представляло собою трехцветное шелковое полотнище следующих размеров: ширина – 140 см, длина – 160 см от древка. Изготовлено оно из двойной четырехслойной шелковой ткани в три цвета и подшито изнутри более тонким шелком. Простроченные сверху вниз цвета знамени таковы: пурпурный, белый и темно-синий. В середине знамени из двух кусков черного шелка оформлен четырехконечный крест. На лицевой стороне знамени написан образ Иверской Святой Богородицы, а на обратной – лики святых просветителей Кирилла и Мефодия. Влево и вниз от иконы – подпись художника Н.Е. Симакова. Над именем – год изготовления. Древко с копьевидным навершием из серебра в византийском стиле (автор – художник Рошфор) было изготовлено в Москве на фабрике Овчинникова. На позолоченной скобе надпись черной эмалью: „Болгарскому народу, город Самара, 1876 год.“⁵⁶

Следует сказать, что русское командование поначалу не доверяло Болгарскому ополчению. Болгары, входившие в ополчение, это были крестьяне, ремесленники, интеллигенция, которые были слабо подготовлены к военным действиям. Более или менее умели воевать только те болгары, которые принимали участие в сербо-турецкой войне 1876 года. Болгарским ополченцам следовало доказать свою боеспособность, что и произошло в сражении под Эски-Загрой (Стара Загорой) 19 (31) июля 1877 г., которое стало одной из самых ярких страниц боевой дружбы русских и болгар. В этом бою против 15-тысячного войска Сулеймана-паши участвовало 2000 болгарских ополченцев и 1500 русских кавалеристов. После ряда маневров турки направили всю мощь своего удара на позицию, которую защищала 3-я знаменная дружина Болгарского ополчения. Наступил самый ответственный момент боя, ставшего героической страницей в истории знамени и Болгарского ополчения. В ходе сражения были тяжело ранены знаменосцы Антон Марчин и Булаич. Знамя переходит в руки унтер-офицера А. Цимбалюка, также сраженного турецкой пу-

55 Ibid, 683.

56 Храмов Л., „Самарское знамя на Балканах“, *Освободительная война 1877-1878 гг. и роль Болгарского ополчения. Сборник докладов и сообщений, прочитанных на юбилейных научных конференциях в Казаньке, Стара Загоре и Самаре в 1987-1898 гг.*, Самара 1992, 17; Ценов Й., Ценов Й., „Знамя и губернатор. Самарское знамя и Петр Владимирович Алабин“, *Петр Алабин и Самарское знамя*, 28-29.

лей. Его подхватил болгарский ополченец Стоян Станишев, но и он пал на поле боя. Убит и ефрейтор С. Минков, черногорцы знаменных рядов, воевавшие в рядах Болгарского ополчения, были также убиты. В этот критический для боя момент прозвучал приказ командира 3-й дружины ополчения русского подполковника П.П. Калитина: „Все под знамя!“ Ополченцы железным кольцом окружили Самарское знамя. Калитин поднял знамя и с кличем: „За мной вперед!“ увлек за собой бойцов на новый прорыв, но и он погиб в сражении. С поле боя знамя вынес русский унтер-офицер Фома Тимофеев. Участник ополчения Л. Филиппов в своих воспоминаниях замечал, что ополченцы дрались как львы за знамя, ибо позор при потере знамени, полученного от русского народа, пал бы на всю *Болгарию*.⁵⁷

Следует сказать, что потери знаменной дружины в этом бою были большими. Из 496 человек в строю осталось 207 воинов, а из 14 офицеров невредимыми из боя вышли только пятеро. И хотя Эски Загру не удалось удержать, и разрушенный город был захвачен турками, но их части не смогли продолжать наступление и дали возможность русским войскам укрепиться на Шипкинском перевале. Знаменитый русский художник-баталист В.В. Верещагин, посетивший Эски Загру через несколько месяцев после сражения так описывал город: „Теперь днем еще лучше было видно, как страшно город Эски Загра был разорен: если бы не дымовые трубы, там и сям торчавшие, то можно было бы видеть человека с одного конца города на другом. Страшно распорядились здесь турки с болгарами.“⁵⁸

Город Эски-Загру пришлось все-таки оставить, город был разрушен и сожжен турками, но их части не смогли продолжать наступление и дали возможность русским войскам укрепиться на Шипкинском перевале. Генерал И.В. Гурко высоко оценил героизм болгарских

---

57 О сражении под Эски-Загрой см.: Кисов С., „Действия III дружины“, *Народы Поволжья и борьба южных славян за национальное освобождение. 1875-1877 гг.: Сборник документов и материалов*, 673-677; Депредадович Ф. М., „Бой под Эски-Загрой“, *Народы Поволжья и борьба южных славян за национальное освобождение. 1875-1877 гг.: Сборник документов и материалов*, 692-694; Стессель А. М., „3-я дружина Болгарского ополчения в бою под Эски-Загрой (Из дневника участника)“, *Народы Поволжья и борьба южных славян за национальное освобождение. 1875-1877 гг.: Сборник документов и материалов*, 694-701; Улунян А. А., *Россия и освобождение Болгарии от турецкого ига. 1877-1878 гг.*, Москва 1994, 132-134; Храмов Л., „Самарское знамя на Балканах“, *Освободительная война 1877-1878 гг. и роль Болгарского ополчения*, 18-19.

58 Верещагин В. В., Скобелев. *Русско-турецкая война 1877-1878 гг. в воспоминаниях В.В. Верещагина*, Москва 2007, 281.

ополченцев: „Это было первое дело, в котором вы сражались с врагом, и в этом же деле вы сразу показали себя такими героями, что вся русская армия может гордиться вами... Вы – ядро будущей болгарской армии. Пройдут года, эта будущая болгарская армия скажет: ‘Мы потомки защитников Эски-Загры.’“⁵⁹

Волжане участвовали в боях с турками на Балканах в составе 2-й, 3-й и 35-й пехотных дивизий в составе следующих полков: 5-го Калужского, 6-го Либавского, 7-го Ревельского, 8-го Эстляндского, 9-го Староингерманландского, 10-го Новоингерманландского, 137-го Нежинского, 138-го Болховского, 139-го Моршанского и 140-го Зарайского.⁶⁰ Всего в ряде поволжских губерний (Нижегородской, Казанской, Симбирской, Самарской, Саратовской) было призвано в ходе первой мобилизации 24234 человека и 84492 человека запасных. В ходе второй мобилизации – 41000 человек, призванных и 60117 запасных.⁶¹ Военные части из Поволжья воевали на самых ответственных участках русско-турецкой войны. В сражении у Ловчи 6-му Либавскому полку были дарованы Георгиевские знамена с надписью: „За взятие г.Ловчи 22 августа 1877 г.“⁶² Войска 2-й и 3-й дивизий участвовали в штурме Плевны. Особо отличился под Плевной 7-й пехотный Ревельский полк, входивший в состав отряда генерала Скобелева. По выражению Скобелева об одном из эпизодов сражения под Плевной „Ревельский полк шел как на парад“. „Подойдя к редуту №1 (редут Казанлык – Ю.А.), полк с криком „ура!“ бросился на него, тогда неприятель обратился в бегство, и редут остался в

59 *Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877-1878 гг. на Балканском полуострове*, Санкт-Петербург 1900, Вып. 24, 323.

60 Вследствие военных реформ 1860-х гг. названия полков не всегда совпадали с названиями населенных пунктов. В связи с этим начальник 3-й пехотной дивизии П.П. Карцов замечал: „К сожалению, наши реформаторы 60-х годов при осуществлении своих идей не обращали внимания на то, что своими переделками они подрывали нравственную и историческую связь прошедшего с настоящим“. (Карцов П. П., *Из прошлого. Личные и служебные воспоминания П.П. Карцова, Ч.II. 1876-1878 год*, Санкт-Петербург 1888, 535).

61 Григорьев И. М., *Участие народов Среднего Поволжья в национально-освободительной борьбе южных славян в период Восточного кризиса. 1875-1878 гг.*: диссертация на соискание учёной степени канд. ист. наук, Куйбышев 1978, 124-125.

62 Лопатин И., „Три года из жизни 6-го пехотного Либавского полка (воспоминания участника кампании 1877-1878 гг.)“, *Народы Поволжья и борьба южных славян за национальное освобождение. 1875-1877 гг.*: Сборник документов и материалов, 590.

наших руках. В числе трофеев в редуе оказались два крупновских орудия, оставленными турками“ – замечал один из участников августовского штурма Плевны.⁶³ Вместе с тем следует заметить, что страсть „Белого генерала“, любимца солдат и русского офицерства, к лобовым атакам, в том числе и под Плевной стоило многих жертв русским войскам, не всегда оправданным. Бои под Плевной были тяжелыми и кровавыми. Три штурма окончились безрезультатно. Достаточно сказать, что Плевна после трехмесячной осады капитулировала только в самом конце ноября 1877 г. Падение Плевны было отмечено празднованием во многих поволжских городах. В Казани дома были украшены флагами, развешены транспаранты „Плевна пала, ура!“, вечером весь город был иллюминирован.⁶⁴ В российском руководстве отслеживалась реакция населения на победы русского оружия. Так, Александр II велел передать искреннюю благодарность купцам и мещанам посада Дубовка Саратовской губернии за поздравления по случаю взятия Плевны.⁶⁵

Эпизод с героической обороной Шипки в годы русско-турецкой войны широко известен. Но мало кто знает о тяжелейших потерях зимой, когда из-за болезней, вызванных плохим питанием, декабрьских морозов, не имевшие зимнего обмундирования полки превращались в батальоны, а батальоны в роты. Львиная доля потерь на Шипке зимой была не результатом боевых действий, а преступного разгильдяйства интендантской службы.⁶⁶

Между тем, 3-я пехотная дивизия генерал-лейтенанта Павла Петровича Карцова, чье имя стоит в одном ряду с именами М.Д. Скобелева и И.В. Гурко, пришедшая на Балканы из Нижнего Новгорода и состоявшая помимо прочих воинских подразделений, из 9-го Староингерманландского и 10-го Новоингерманландского полков, в тяжелейших зимних условиях 1877 г. преодолела на Балканах Троянов перевал, никакого сравнения с которым не выдерживал даже знаменитый Шипкинский перевал. Местные жители из-за трудней-

63 „Журнал военных действий 7-го пехотного Ревельского полка за время минувшей русско-турецкой войны 1877-1878 годов“, *Народы Поволжья и борьба южных славян за национальное освобождение. 1875-1877 гг.: Сборник документов и материалов*, 349.

64 *Народы Поволжья и борьба южных славян за национальное освобождение. 1875-1877 гг.: Сборник документов и материалов*, Док. 238, 215.

65 Ibid, Док. 239, 216.

66 Виноградов В. И., *Русско-турецкая война 1877-1878 гг. и освобождение Болгарии*, Москва 1978, 170-171.

шей проходимости называли его „Смерть магарска“, то есть „гибель ослов“. Об этом перевале начальник германского Генерального штаба фельдмаршал Хельмут Мольтке (старший) писал: „Тот генерал, который вознамерится перейти через Троян, заранее заслуживает имя безрассудного, потому что достаточно двух батальонов, чтобы задержать наступление целого корпуса.“⁶⁷

Действительность полностью подтвердила такую оценку Троянова перевала. Один из участников перехода через Троянов перевал писал о нем следующее: „Узенькая тропинка, проложенная вчера разведчиками, нередко шла по самому краю лесистых обрывов. Глянешь вниз – и конца не видно крутому склону. Один неверный шаг, один скользкий скат на косогоре и все это, тяжести и люди, мгновенно рухнут в пропасть... Было о чем призадуматься.“⁶⁸ Сам генерал Карцов вспоминал, что пришлось передвигаться „... до пояса в снегу, проваливаясь в занесенные ямины, скользя по оголенным плитам“. Был мороз, но „люди обливались потом, а дышать было почти нечем; воздух, скованный стужею, на высоте 5000 футов был так разрежен, что у некоторых показалась кровь из носа, ушей и горла.“⁶⁹

В конце декабря 1877 г. Троянский отряд Карцова, насчитывавший около 6,5 тысяч человек и 8 орудий, понес минимальные потери (145 человек убитых, раненых, без вести пропавших и обмороженных), сбросил турок с перевала и в январе 1878 г. вышел в Южную Болгарию, где турецкие войска были окончательно разбиты, а турки бежали. Вместе с турецкими войсками бегством спаслось и мирное турецкое население, которое „пораженное паникой, бежит целыми отрядами и караванами, само не зная куда, нападает на встречающееся болгарское; они режут, душат друг друга; при одном слухе о приближении русских турки бросают дома и имущество, сыновья – дряхлых отцов, матери – полуживых детей, которых подбирали и многих спасали наши солдаты.“⁷⁰ Пленные турки говорили, что паническое бегство совершилось потому, что никто не считал возможным переход русских через Троян. „А если уже через него

67 Карцов П. П., „Троянов перевал“, *Народы Поволжья и борьба южных славян за национальное освобождение. 1875-1877 гг.: Сборник документов и материалов*, 626.

68 Ibid, 631.

69 Ibid, 632.

70 Карцов П. П., *Из прошлого. Личные и служебные воспоминания П.П. Карцова, Ч. II. 1876-1878 год*, 755.

перешагнули, то где же после этого не пройдут их силы?“⁷¹ За боевые отличия Староингерманландскому и Новоингерманландскому полкам, составявшим костяк Троянского отряда, были даны Георгиевские знамена с надписью „За переход через Балканы у Трояна.“

Следует сказать, что на завершающем этапе войны в русских войсках стало наблюдаться определенное разочарование в болгарях как в союзниках. Например, П.П. Карцов сетовал болгарскому священнику Макарию, что болгары крайне неохотно помогали русским при подготовке операции по взятию Троянова перевала.⁷² Следует заметить, что болгары, верившие в исключительное братство русского народа, видели в нем, помимо прочего, некую обязанность со стороны России по освобождению болгар. То, что под воздействием военных реалий стала наблюдаться к концу войны некая ломка стереотипов восприятия „братьев-славян“ в солдатской среде, отмечала и единственная женщина-корреспондент в русской армии Н.В. Каирова, вспоминая такой разговор с солдатами:

„- А с братушками не жаль расставаться?

- Солдатики даже остановились от изумления при таком нелепом, по их мнению, вопросе...

- С братушками-то, вымолвил, наконец, один; чтоб их бесы драли!

- Чтоб им пусто было...

- Мы народ подневольный, пошлет царь, так будем драться.

А как бы ежели он нас послал болгар побить, так мы б им показали, как дерутся!“⁷³

Однако хотя подобные случаи, вызванные в том числе и усталостью от войны с обеих сторон, и омрачали боевое содружество русских и болгар, но они не затмевали главного – общей победы над Османской империей в русско-турецкой войне 1877-1878 гг.

Победа в войне была воспринята в Поволжье как национальный праздник. Документы свидетельствуют о всеобщем ликовании населения поволжских городов.⁷⁴ Радость по случаю победоносно-

71 Карцов П. П., „Троянов перевал“, *Народы Поволжья и борьба южных славян за национальное освобождение. 1875-1877 гг.: Сборник документов и материалов*, 642.

72 Ibid, 635.

73 Кочуков С. А., „За братьев-славян“: русско-турецкая война 1877-1878 гг. в восприятии общества, власти и армии Российской империи, 500.

74 *Народы Поволжья и борьба южных славян за национальное освобождение. 1875-1877 гг.: Сборник документов и материалов*, Док. 245, 220; Док. 249, 223.

го завершения войны была омрачена требованиями Англии и Австро-Венгрии пересмотреть условия Сан-Стефанского мира.⁷⁵ Однако условия Сан-Стефанского договора также не удовлетворили и балканские государства. Собственно говоря, только Черногория, территория которой увеличилась почти в 2 раза, и получившая выход к Адриатике, была довольна Сан-Стефанским договором. Негативная реакция на Сан-Стефано последовала от Румынии, недовольной уступкой России Южной Бессарабии. Даже в самой Болгарии потеря отошедшей к Румынии Северной Добруджи была воспринята крайне болезненно, поскольку болгары считали только Дунай справедливой болгаро-румынской границей. Недовольны были в Болгарии и тем, что г. Ниш перешел к Сербии. Особое недовольство было в Сербии от создания „великой Болгарии“, границы которой теперь простирались от Дуная до эгейского побережья и албанских гор, в то время как Сербия получала территориальные приращения гораздо менее ожидаемых.⁷⁶ Решения Сан-Стефанского договора были восприняты в сербском руководстве того времени, а затем и в серб-

75 Ibid, Док. 252, 225.

76 Сразу же после Сан-Стефано сербы от словесных упреков в адрес мирного договора перешли к делу. Исполнявший в это время обязанности первого гражданского губернатора Софии П.В. Алабин информировал канцлера А.М. Горчакова, что начиная со второй половины февраля 1878 г. начались столкновения между болгарами и сербами в Софийском санджаке в тех селах, где было уже введено сербское управление. Сербы объясняли это тем, что эти села были добыты силой сербского оружия. Вскоре сербские власти г. Пирота, занятого сербами после кровопролитного сражения 16 декабря 1877 г., предприняли попытку распространить свои права „на многие села Софийского округа“, а в мае сербы захватили ряд сел неподалеку от Софии. П.В. Алабин, которому сверху предписывалось уклоняться от столкновений с сербами, отказался от мысли заместить русские войска „по границы сербской оккупации“ на западных окраинах санджака, „не желая раздувать затаенную ненависть соплеменников“. Он оправдывался перед А.М. Горчаковым и ждал от канцлера указаний, как ему поступать „сербском вопросе“ („Записка софийского губернатора П.В. Алабина канцлеру А.М. Горчакову о недовольстве сербов введением русского гражданского управления в Софийском санджаке, 24 июня (6 июля) 1878 г.“, *Народы Поволжья и борьба южных славян за национальное освобождение. 1875-1877 гг.: Сборник документов и материалов*, 713-716). Таким образом, вчерашние союзники по антитурецкой борьбе становились теперь врагами. Эта ситуация повториться уже в начале XX в., во время Балканских войн 1912-1913 гг., когда Болгария, Сербия, Черногория и Греция вначале вступят в победоносную войну против Турции, а затем Сербия, Черногория, Греция и Румыния дружно нападут на Болгарию, которая потерпит сокрушительное поражение от этой коалиции.

ской историографии, как „драма Сербии, ее национальная катастрофа“. Эти взаимные претензии между балканскими странами вели к росту противоречий между ними и росту претензий к России. Сербский исследователь д-р М. Иованович полагает, что именно с Сан-Стефанского мирного договора 1878 г. в сербском обществе стали проявляться первые признаки русофобии, имевшей западные корни,⁷⁷ за которой последовала переориентация сербской политики на Австро-Венгрию.

В совершенное уныние повергли российское общество решения Берлинского конгресса, ограничившего Болгарию Балканским хребтом и оставившего под властью Турции половину болгарского населения. В глазах многих Россия „при всех ее жертвах скорее проиграла, чем выиграла“. В Поволжье раздавались голоса протеста в адрес „коварного конгресса.“⁷⁸ Однако, в действительности, хотя Берлинский конгресс значительно урезал решения Сан-Стефано, он не смог изменить главных итогов войны – создания независимых княжеств Румынии, Сербии, Черногории, автономной Болгарии. И свой весомый вклад в это внесли волжане.

---

77 Иованович М., „ ‘Две России’: восприятие России в Сербском обществе“, *Русија и Балкан током последња три столећа*, Подгорица; Москва 2012, 75.

78 *Народы Поволжья и борьба южных славян за национальное освобождение. 1875-1877 гг.: Сборник документов и материалов*, Док. 253, 226-227.